

Су Ю снова взяла кусок желтой глины, вытащила что-то из горшка и принялась втирать в глину, что-то при этом бормоча:

— Если добавить это, будет гораздо лучше. Достать это было непросто, так что нельзя позволить другим увидеть, особенно этой маленькой мошке!

Секретный ингредиент! Цай Сяовэнь пришла в полный восторг, тут же забыв о недавнем страхе. Она обхватила ствол дерева и, подтянувшись, вытянула шею: долгие часы ожидания не прошли даром. У этой вредной Юдзу действительно есть секретный рецепт! И такой, который она особенно не хотела мне показывать!

Сгорая от нетерпения, она хотела поскорее разглядеть, что именно Су Ю втирает в глину. Но как бы она ни вытягивала шею, спина Су Ю все время загораживала обзор. Как раз когда она собралась рискнуть и подползти чуть ближе, она услышала голос Су Ю:

— Осталось еще столько... Даже если придется вылить, нельзя позволить маленькой мошке это увидеть.

Сказав это, та подошла к дереву, на котором пряталась Цай Сяовэнь, и выплеснула содержимое горшка вверх. Цай Сяовэнь, как раз высунувшаяся из листвы, приняла весь удар на себя.

— ...Тьфу! — Цай Сяовэнь с трудом разлепила глаза, выплюнула попавший в рот порошок и вытерла лицо. На этот раз она разглядела: мука?!

Су Ю невозмутимо вернулась на место и продолжила лепить керамический кувшин. Прошло более двух часов, она не покидала двор и больше не доставала никаких секретов. Солнце уже клонилось к закату, а Цай Сяовэнь, покрытая слоем мучной пыли, сидела на дереве, озябшая и голодная, и всякое любопытство у нее давно улетучилось. Ей очень хотелось поскорее вернуться домой и съесть миску горячей лапши, чтобы согреться, но Су Ю, как назло, ни на шаг не отходила от того места. Цай Сяовэнь пожалела о своей опрометчивости — прийти сюда шпионить. Хотя, конечно, кое-что она узнала, например, что в глину нужно подмешивать муку...

В этот момент запыхавшаяся Фэнлин прибежала во двор, держась за пояс, и тяжело дыша, обратилась к Су Ю:

— Барышня... я... я припозднилась... Помогала Таньюань купить на юге города... дешевой... дешевой свинины. Вы, должно быть, проголодались? Я сейчас приготовлю поесть...

— Подожди! — Су Ю остановила Фэнлин и с улыбкой добавила: — Я не голодна.

— Не голодны?! Я... я не ослышалась?!

— Именно, не голодна. Я сыта смехом, — глаза Су Ю согнулись в дужки, а на лице появилось

недоброе выражение: — Сходи в лавку благовоний, купи связку петард.

— Петард? Зачем?

— Разве ты не видишь, я приболела? Зажгу петарды, чтобы отогнать злых духов и болезнь. Не спрашивай, иди скорее.

Вскоре Фэнлин вернулась с петардами и озадаченно спросила:

— Сейчас зажигать?

Су Ю вымыла руки, взяла петарды и подошла к дереву, где сидела Цай Сяовэнь, подвесив их на выступающую ветку.

— Фэнлин, принеси огниво.

Цай Сяовэнь когда-то сильно испугалась петард и с тех пор их панически боялась. Су Ю прекрасно это знала.

Фэнлин достала из рукава огниво и протянула Су Ю. Та взяла его, медленно поднесла к фитилю, сдерживая улыбку: все еще упрямисься? Думаю, надолго тебя не хватит. Три, два, один...

— Прекрати! — Как и ожидалось... Су Ю подняла голову и нежно улыбнулась перепуганной Цай Сяовэнь:

— Маленькая мошка, почему тебе так нравится сидеть на дереве?

Фэнлин удивленно подняла голову и, увидев Цай Сяовэнь, всю в белой пыли, вскрикнула:

— Ой! Барышня Сяовэнь, вы что, к празднику Юлань готовитесь?

Только тут Цай Сяовэнь поняла, что Су Ю с самого начала знала о ее присутствии, а мука и петарды были лишь способом ее проучить. Она решила пойти в наступление и вызывающе крикнула:

— Я на дереве юдзу собираю! Вредная Юдзу!

— Спускайся. Не устала столько часов лежать?

Цай Сяовэнь фыркнула и заерзала, собираясь слезть. Она совсем забыла, что у нее за поясом платок с зимними финиками. От движений платок развязался, и крупный плод выкатился наружу, полетев прямо вниз. Су Ю как раз смотрела вверх с улыбкой паука, дождавшегося, когда мошка сама угодит в паутину. Раздался тихий стук — финик угодил прямо в

улыбающийся лоб Су Ю...

Фэнлин, увидев эту картину, молча отвернулась, не в силах смотреть на финал этой невезучей мошки...

Когда Цай Сяовэнь вернулась домой, уже глубоко стемнело. Танъюань сидела на высоком табурете в передней, кляня носом от сонливости. Услышав грохот распахнувшейся двери, она потерла глаза и, взглянув на ворвавшуюся Цай Сяовэнь, испуганно вскрикнула:

— Барышня... что с вами? Праздник Юлань еще не наступил ведь? Я все ждала вас, старый господин уже спит. Он просил купить ночной горшок, а я даже не пошла.

Цай Сяовэнь схватила со стола кувшин в форме поросенка и, приставив его к носу, сделала несколько жадных глотков.

— Фух... ик! — Цай Сяовэнь икнула и громко воскликнула: — Почему ты говоришь то же самое, что и эта Фэнлин?! Разве я собираюсь праздновать Юлань?! Я действительно видела призрака! Нет, Су Юдзу хуже любого призрака!

Она хотела со злости швырнуть кувшин, но, подняв руку, вспомнила, что это ее любимый поросенок, и пожалела. Она осторожно поставила его на стол. Кувшин она пощадила, но продолжала ругать Су Ю:

— Большая деревянная лохань, маленькая деревянная лохань, Су Юдзу ноги моет и дверь не закрывает!

— Если старый господин спит, вы тоже ноги моете и дверь не закрываете...

— Заткнись! Иди грей воду! Я хочу мыться!

Цай Сяовэнь была полна гнева, ее волосы были в муке, одежда в глине — и все это благодаря Су Ю. После того как финик угодил Су Ю в лоб, та стащила ее с дерева и заставила вылепить больше десятка заготовок, прежде чем позволила уйти из дома Су. Не то что финики, даже платок Су Ю конфисковала.

Цай Сяовэнь пролежала на дереве несколько часов, замерзла, проголодалась, а потом еще под присмотром Су Ю послушно лепила керамику. Теперь ее руки онемели от холода и усталости, она выглядела хуже некуда. Она вспомнила, как Су Ю с бамбуковым ножом в руках ходила вокруг нее, указывала, что делать, а время от времени с суровым видом била бамбуковым ножом по тыльной стороне ладони, исправляя технику. Цай Сяовэнь потерла руку, чувствуя, как от обиды сжимается сердце:

— Когда я только училась гончарному делу, отец не был со мной таким строгим... наставник не

был таким строгим... даже мастер не был таким строгим! Она всего лишь старшая ученица, с какой стати ей командовать мной!

Она в ярости обернулась, но обнаружила, что Танъюань давно убежала греть воду и даже не слушала ее жалоб...

За ширмой поднимался пар.

Цай Сяовэнь вытянула ноги и медленно сползла в бочку. Горячая вода дошла до носа, глаза уперлись в сухие цветы, плавающие на поверхности. Она тяжело вздохнула: буль-буль-буль...

Полежав в горячей воде, Цай Сяовэнь согрелась и душой, и телом. И тут же, забыв о боли, снова повеселела... Став спокойнее, она начала обдумывать события дня. Она нырнула под воду, снова вынырнула, намочив волосы, и подумала: Су Юдзу определенно вредная, это факт, но сегодня я сама виновата... Подумав так, она почувствовала себя лучше. Она взяла мыло и намылила свою скучную грудь:

— Но кто бы мог подумать, что эта вредная Юдзу так тщательно просеивает глину, раз за разом... Не говоря уже обо мне, во всем городе вряд ли найдется гончар, который делает это так кропотливо...

Цай Сяовэнь не знала, что эта партия керамики была заказана для чиновников. А это означало, что изделия могли годами пылиться в лавке, а могли попасть в руки знатных вельмож или даже членов императорской семьи, поэтому ошибок быть не могло. Вот почему Су Ю была так осторожна с самого начала. Цай Сяовэнь никогда не работала с государственными заказами, поэтому не имела такой привычки, решив, что Су Ю просто стремится к совершенству. Она взяла это на заметку, решив с завтрашнего дня тоже быть такой же внимательной. Она взмахнула кулаком, разбрызгивая воду:

— Однажды я стану такой же хорошей, как Су Юдзу! Нет... я превзойду ее! Только превзойдя ее, мой кувшин-поросенок сможет смеяться последним!

Прошло еще несколько дней. Первая партия керамических кувшинов была готова, а Су Ю оправилась от простуды. До полудня она взяла два образца и отправилась на встречу с господином Чжоу, торговавшим с чиновниками. Господин Чжоу так тосковал по ней, что чуть не извелся, и теперь, увидев ее вживую, пришел в полный восторг. Подача чая, воскурение благовоний, угощения — все было на высшем уровне. Он не мог на нее налюбоваться, но, считая это неприличным, лишь изредка бросал на нее взгляд. Су Ю была спокойна и не замечала его смущения. Она достала изделия и сразу перешла к делу. Кувшины были простой формы, но на обоих была нарисована половина картины: вместе они составляли пейзаж с сотней птиц на озере в лучах заката.

Господин Чжоу, вспомнив о цели встречи, сосредоточился на керамике.

— Это?..

— Зимние перелетные птицы на озере Поянху, — Су Ю сделала глоток чая. Она очень любила чай. Господин Чжоу заварил превосходный сорт, привезенный из столицы, и аромат наполнил всю комнату.

Господин Чжоу внимательно разглядывал каждую птицу — все они были разного цвета и в разных позах.

— Это глазурь? — едва произнеся слово, он почувствовал, как сердце екнуло, словно он назвал ее по имени.

Су Ю не придавала этому значения и улыбнулась:

— Нет, это роспись. Наносится прямо на готовый кувшин.

— Вы нарисовали?!

— Да. Мы договорились с господином Чжоу-старшим, что на некоторых изделиях будет роспись. Я подумала, что птицы хорошо подходят для зимы. Как вы считаете, господин Чжоу?

Господин Чжоу почувствовал, будто его сердце пронзила стрела, и от волнения начал говорить сбивчиво:

— Не ожидал, что вы так хорошо рисуете... Вы постоянно меня удивляете... Я... я очень уважаю людей, умеющих рисовать... потому что сам не могу...

Он был уверен, что эта девушка не просто человек, а сошедшее с картины божество.

Су Ю, не ожидавшая такой похвалы, улыбнулась:

— Это пустяки. Эти два кувшина — лишь третьего или четвертого сорта. Когда я дойду до девятого сорта, постараюсь расписать их еще лучше.

Господин Чжоу, замороженный тем, как серьезно она говорит о керамике, с трудом вспомнил о деле:

— Отец просил передать. Принцесса очень любит керамику, особенно в необычном исполнении. Отец сказал, что изделия семьи Су отличаются совершенством и величием, но если добавить немного изящества, это придется по душе Ее Высочеству. Тогда керамика семьи Су сможет попасть в императорский дворец!

Принцесса Чжао Яньлин была умна и проницательна, она не любила золото и драгоценности, предпочитая им керамику. По словам господина Чжоу, принцесса осталась недовольна предыдущими поставками. Теперь все надежды возлагались на Юйфэн.

«Необычное исполнение»... эти слова задели струны души Су Ю. Она обрадовалась, встала и поклонилась в знак благодарности. Господин Чжоу поспешил ответить тем же, пригласил ее сесть, и его тон внезапно стал нерешительным.

— Госпожа Су... мне пора ехать, дела с фарфором в Линьчэне не ждут...

Су Ю кивнула, решив, что он беспокоится о заказе:

— Не волнуйтесь, господин. Вернетесь из Линьчэна и заберете партию в Юйфэне. Я не сорву сроки.

Господин Чжоу кивнул, потом покачал головой и невнятно пробормотал:

— Я не об этом беспокоюсь... вернувшись, я не смогу долго оставаться в Юйфэне... нужно возвращаться в столицу, иначе не успею к Новому году... Госпожа Су, вы бывали в столице?

— В Кайфэне? Нет.

— На Новый год там всю ночь запускают фейерверки. После ужина все выходят на улицы, пьют горячее вино, которое раздают в старых лавках, едят свиную рульку и копченое мясо — все это бесплатно...

Су Ю сглотнула слюну, стараясь не выдать своего любопытства, и улыбнулась:

— Как чудесно. Сделаете дела и вернетесь домой праздновать в кругу семьи.

Она снова сделала глоток чая, чтобы подавить голод. Она мало ела утром, а уже приближался полдень.

— Значит, если я приеду в Юйфэн снова, это будет уже в следующем году!

— Да, в следующем году я буду ждать вас.

Су Ю снова отпила чаю. Она была голодна и хотела поскорее закончить разговор, чтобы пойти обедать. Господин Чжоу, не зная, что у нее на уме, решил:

— Вы... вы хотели бы поехать со мной?

— А... кх-кх-кх! Кх-кх-кх-кх!

— Буль-буль... — Су Ю допила чашу, ее щеки покраснели. Она с силой опустила чашу на стол, пламя свечи дрогнуло, и тени на стене заколыхались. Фэнлин встала и наполнила чашу снова.

Су Ю залпом выпила и это, но Фэнлин больше не наливала.

— Лей еще.

Фэнлин положила ей в тарелку немного маринованной рыбы:

— Сначала съешьте что-нибудь, так вы быстро опьянеете.

— Матушки нет дома, так что ничего страшного.

Фэнлин улыбнулась:

— «Чижик-пыжик, где ты был?»... Ой, простите, «Прекрасная дева — достойная пара для благородного мужа...» Разве вы не рады, встретив такого человека?

Су Ю потянулась к винному кувшину, но Фэнлин ее остановила. Су Ю уставилась на нее:

— Почему я должна быть рада? Я не хочу, чему тут радоваться?

После того как господин Чжоу проговорился, он пытался оправдаться, но Су Ю не была такой наивной, как Цай Сяовэнь, и не верила в его сказки о «совместном путешествии». Вспоминая его поведение, его бегающий взгляд, она понимала, что к чему. Однако господин Чжоу был единственным связующим звеном между керамикой Су и официальными лицами. Принимать его ухаживания она не собиралась, но и открыто отказать было трудно. Ее печаль стала глубже, и она пыталась утопить ее в вине.

— Фэнлин... ты знаешь, как празднуют Новый год в Кайфэне?

— Не знаю.

— В канун Нового года там всю ночь запускают фейерверки. Народ ест праздничное вино, рульку, копчености — и все это не надо... не надо... платить... Как здорово...

Хмель ударил в голову, Су Ю не удержалась и сползла на край стола, но Фэнлин подхватила ее.

— Су Ю... — Фэнлин обняла ее, позволяя положить голову себе на плечи, и мягко сказала: — Если в Кайфэне так хорошо, почему ты не хочешь ехать с ним? Скажи, если бы сегодня эти слова сказала Цай Сяовэнь, ты бы согласилась?

Су Ю прижалась к Фэнлин, на ее лице появилась улыбка, но глаза были полны печали:

— Тогда бы я пошла за ней.

Пьяные речи — правдивые речи. Су Ю знала, что Фэнлин умна и проницательна. Она давно догадывалась о чувствах Су Ю к Цай Сяовэнь. Теперь, когда на душе было тяжело, Су Ю не хотела больше скрывать правду. Да и после такого прямого вопроса Фэнлин скрывать было бы просто глупо.

— Так и иди за ней!

— Нельзя... — Су Ю бессильно закрыла глаза. — Нельзя... я ведь ее старшая ученица! Я не то что не могу стать примером для нее, я еще и втягиваю ее в немыслимые отношения! К тому же... к тому же я так много ем, она меня не захочет...

— С чего ты взяла, что она тебя не захочет?

— Я много ем... она... она наверняка решит, что не сможет меня прокормить, побрезгует мной и бросит...

— Что за чепуха...

Фэнлин знала, что Су Ю несет бред, и понимала, что ее печаль гораздо глубже. Она подняла ее и уложила на кушетку:

— Ты пьяна, отдыхай.

Су Ю лежала, раскинув руки, позволяя Фэнлин раздеть себя, и бормотала:

— Не пьяна... я не пьяна. Я очень трезва. Я уже придумала, как отказать господину Чжоу... отказать господину Чжоу... отказать...

Не договорив, Су Ю провалилась в сон.

— Конечно, конечно, отказать... Но как ты откажешь собственному сердцу? — Фэнлин убирала со стола, вздыхая: — Ох, безответная любовь — великое горе. Ты даже хуже господина Чжоу. Тот хотя бы пытается добиться своего. А ты — даже признаться боишься...

Прошло десять с лишним дней. Су Ю переехала в гончарную мастерскую за городом, день и ночь работая над заказом господина Чжоу. Цай Сяовэнь заперлась дома, усердно практикуясь в работе с пурпурной глиной. Они не виделись, и хотя обе иногда предавались пустым мыслям, им удалось сосредоточиться на деле. Вскоре керамика была готова, и срок возвращения господина Чжоу подошел. Еще до того, как он въехал в город, в дом Су принесли приглашение.

— «Ванхулоу», лучший ресторан в городе, — Фэнлин укладывала волосы Су Ю. — Но не слишком ли это торжественно?

На вешалке висела лучшая зимняя шуба Су Ю. Парча с узором снежинок, отделка из меха белой лисицы с гор Куньлунь. Такая одежда стоила сотню золотых, Су Ю надевала ее раз в год. Фэнлин удивилась, что ради простого ужина хозяйка так наряжается.

Су Ю встала, надела шубу и тщательно завязала пояс:

— Нужно выглядеть торжественно, чтобы это сработало. Я не могу прямо отказать господину Чжоу, он должен сам передумать.

— Он сейчас очарован тобой, как он может передумать?

Су Ю обернулась и улыбнулась:

— Скоро узнаешь.

Сказав это, она ушла. Фэнлин проводила ее взглядом и тихо вздохнула.

«Ванхулоу», построенный у самого озера, был старейшим заведением в Юйфэне. Здесь можно было заказать банкет за восемьсот серебряных или миску лапши за восемнадцать монет. Еда была вкусной, а к гостям относились одинаково, независимо от их богатства. Поэтому свободных мест почти не было. Господин Чжоу заказал лучший столик у перил. Он не стал заказывать блюда заранее, решив, что Су Ю выберет сама. Он ждал ее, глядя на воду. Мимо проплывали лодки, вызывая у него улыбку.

В тот день, когда он признался в любви, он посчитал себя опрометчивым, но не жалел об этом. Теперь, когда слова были сказаны, он решил действовать открыто. Он решил, что сегодня вечером, под яркой луной, окончательно объяснится. Если Су Ю ответит взаимностью, он немедленно вернется в Кайфэн, доложит родителям и весной пришлет сватов. К началу лета он сможет жениться. А та чиновничья дочка, что икала после чая, уже стерлась из его памяти...

Вино подогрели, и когда Су Ю вошла, господин Чжоу поспешил встретить ее. Су Ю поклонилась, присела. Господин Чжоу, стараясь выглядеть импозантно, улыбался ей во весь рот. За окном сияла луна. Внутри двое: он — статный красавец в синем парчовом халате, она — стройная, с волосами черными, как тушь, и грациозной осанкой. Они идеально подходили друг другу... так думал господин Чжоу.

Подали чай, и господин Чжоу предложил выбрать блюда. Он заказал яйца с розами и кислую капусту, а затем передал меню Су Ю. Она, кокетливо прикрыв рот рукой, принялась изучать список. От этой улыбки господин Чжоу был готов растаять. Он не думал о еде, считая, что легкие закуски — лучший выбор для такой изящной дамы.

Су Ю водила пальцем по меню. Позвав официанта, она четко и громко произнесла:

— Куриные ножки в соли, говяжья спинка на углях, свинина с цветками сливы, салат из острого перца, голова рыбы в горшочке... э-э... и еще... — она коснулась подбородка, выбирая главное блюдо: — Целого барана на вертеле!

Она подняла глаза на остолбеневшего господина Чжоу и элегантно улыбнулась:

— Господин Чжоу, вы еще что-нибудь закажете?

— Нет... нет... заказывайте, заказывайте...

Су Ю вернула меню и принялась за чай. Вскоре начали подавать блюда.